

Анжелика Лавицкая

ЛОБОТОМИЯ

Роман

Анжелика Сергеевна Лавицкая

Лоботомия. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22759478

ISBN 9785448366574

Аннотация

Аннотация от Feder Fuchs: Мрачная атмосфера, налёт абсурдистской мистики, мясо и хардкор, а за всем этим – крутейший стёб над теми, кто мнит себя дофига нормальным. Особенно хорош образ «писателей», которые оторваны от мира настолько, что выглядят полными шизофрениками. После «Лоботомии» не могу называть подобных персонажей иначе, чем «атланты».

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лоботомия

Роман

Анжелика Лавицкая

*«Вот такая вот хуйня.
Вот такая вот хуйня.
Вот такая да вот хуйня.
Вот такая да вот хуйня»*

Е. Летов «Лоботомия»

© Анжелика Лавицкая, 2017

Редактор Вадим Засухин

ISBN 978-5-4483-6657-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Мне довелось видеть, как это делается. Один псих разбежался и треснулся головой об стену. Стене ничего не сделалось, а вот его голова в буквальном смысле раскололась, как переспевший арбуз, который уронили на асфальт. Кстати, содержимое было чем-то похоже, только семечек не хватало. Это кажется невозможным, но это случилось: то ли он взял хороший разбег, то ли хорошо приложился к стене.

С этих пор моя идея – стать инвалидом и не ходить на работу, но получать при этом деньги даже больше моей нынешней зарплаты – меня покинула. Несколько раз я в шутку предлагала Ольке, подруге и напарнице, разбежаться и треснуться головой об стену. Нас бы признали психически нездоровыми, наши родители снова отвечали бы за нас, а мы, ничего не делая, все же получали бы копейки на свою корку хлеба, даже с маслом. Ольке предлагала в шутку, а сама серьезно подумывала над этим, но мысль о том, что будет дальше, меня не покидала. С математическими науками у меня как-то не сложилось, а траекторию бега и силу удара нужно было как-то рассчитать. Мои мозги никогда не были под это заточены, как, впрочем, и под многое другое. Гуманитарий с медицинским образованием. Каким образом мне это образование удалось получить – одной удаче известно и моему

таланту выкручиваться.

В общем, чтобы посмотреть, что получится, мне не пришло в голову ничего лучше, чем подговорить того самого психа, чьи мозги соскребают сейчас со стены.

– Ты, Сень, говоришь, что он приходит за тобой, а ты попробуй в стену спрятаться. – Сеня жался в углу, подбирая ноги под себя, раскачивался, как и все дебилы, и что-то мычал.

Говорить он перестал месяца два как, а до этого при каждом припадке начинал нести околесицу, что за ним его умерший друг придёт скоро и убьёт. Не всё было безобидно в истории Сени, с самого начала: он сам этого друга убил по пьяни, а потом сошел с ума или притворялся, что сошел с ума, чтобы не попасть куда следовало, а тут его уже обработали капитально.

В общем, друг пришел, когда умер Сеня, все подумали именно так. Нет его больше. Мозги соскребут, останки Сени закопают на кладбище для таких, как он, – и все. Кончилась история Сени.

Никто не стал ругаться или разбираться, этим здесь не удивишь. Койку Сени через час заняла бабка, которая

что-то бурчала и звала то Любу, то Люсю, кто они ей – мне не известно.

Моё дежурство кончилось, мне хочется спать, а по дороге домой нужно купить хлеб, молоко, кефир, йогурт и сигарет.

Утро серое, ветки деревьев голые, под ногами лед. Хотя кого это интересует? Да, верно, от этого часто зависит настроение, по крайней мере, моё. В детстве мне ещё нравилось ассоциировать погоду с хорошими и плохими событиями: хорошие случались в солнечную, плохие – в пасмурную или дождливую, холодную или снежную. Плохих, как уже ясно, было больше.

Детство кончилось, а на душе скверно. Наверное, у взрослых всегда так, а мне когда-то наивно представлялось, что всё обстоит по-другому.

Навстречу мне семенит девушка в норковом полушубке и на высоких шпильках, она придерживает левой рукой капюшон, а правой держит сумку. Странно, что она – не блондинка, а ещё странно, что её не доставили к нам в отделение: здравомыслящий человек в такой гололед шпильки не надеет.

Мне вспоминаются мозги Сени на стенке, а воображение

дает картинку, как эта ненормальная падает и разбивает голову об лед. Нет, её мозги не вытекут, как Сенины, максимум образуется кровавая лужица под головой, но всё равно – умрет.

К счастью для себя, «не блондинка» соображает прижаться к обочине и идти по рыхлому снегу. Хорошо, что я в сапогах на обычной платформе. Носки, правда, немного потерлись, но до весны прохожу, и так в кредит взяты были.

В нос бьет сладкий запах туалетной воды, знаю, что такой флакон можно выписать из каталога, который мне часто приносит моя напарница, но их стоимость меня отпугивает и напоминает о том, что у меня примерно такая же сумма ежемесячного платежа за кредит, ведь пару месяцев назад мне удалось купить новый телефон.

Интересно, какой телефон у этой семенящей? Наверное, экономит, все на туалетную воду спустила и ходит ещё с какой-нибудь «раскладушкой». А мне жаль деньги на воду тратить. Пшик – и всё, лучше телефон. Половина отделения мне завидует и фотографируется только на него, потому что тоже экономят и себе такого не покупают.

В дверях магазина с кем-то сталкиваюсь, и все мои мысли рассыпаются, но, не поднимая голову, невнятно извиняюсь,

смотрю на красную плитку магазинного пола и шагаю вперед. Беру корзину для покупок и прямым ходом к холодильникам. Эти холодильники скоро начнут мне сниться или здороваться, мы встречаемся с ними каждый день. В корзинку отправляются: пакет молока, пакет кефира и стакан йогурта, сегодня взяла клубничный, вишнёвый был вчера. Миную стеллажи с консервами, поворачиваю и забираю с лотка булку хлеба. Теперь к кассе.

Иду под расслабляющую музыку. В подобных сетевых магазинах это делается специально – ты расслабляешься, а иногда там начинает играть знакомая песня, и на этой волне ты набираешь ещё кучу ненужного, а дома спрашиваешь себя: зачем это было куплено, и куда делись деньги. Мне это не грозит – здешнюю музыку я ненавижу, а денег у меня не так много, чтобы тратить на что-то ненужное. Мой бюджет ограничен и скромн, его хватает только на то, что у меня сейчас в корзинке, и на пачку сигарет.

Кассирша отпикивает мои продукты, её зовут Инга, она полная и ярко красится.

– Сегодня курим? – голос у нее прокуренный, она часто бегае курить за магазин, от того этот прокуренный голос ещё и простуженный, почти севший.

– Да, пачку, как обычно, – отвечаю сонно, отчего-то начинаю зевать, достаю из кармана кошелек и расплачиваюсь картой.

– На работе как? Что нового? – пока нет очереди, а я складываю свои покупки в пакет, интересуется она. Мы успели немного подружиться за все то время, которое мне сюда приходится ходить.

– Устала, – отвечаю и снова начинаю зевать. Нет, как придду, сразу лягу спать, так больше продолжаться не может. – Сегодня ещё убился один псих, полночи мозги его от стены соскребали, – зачем-то вру, мозги соскребала моя напарница, меня отправили в это время перестелить постель Сеньки, которую потом заняла новая старуха.

– Ничего себе! Насмерть?! – эти обычные люди, которые видели смерть только по телевизору, мне хочется улыбнуться её выражению лица – этот наигранный ужас в глазах, как будто она знала Сеню лично, и если я скажу, что он разбился не насмерть, ей станет легче.

– Да, насмерть, у нас по-другому не убиваются, – мои покупки сложены, мне пора домой, у меня нет желания продолжать разговор и рассказывать, как так получилось и всю историю Сени. Кому он нужен, очередной шизофреник?

Сплетни до Инги и без меня дойдут, не я одна тут что-то покупаю каждый день, расскажут.

Закурить на улице не даёт хиус* и снег, руки замерзают так, будто их режут стеклом, прячу их в карманы пуховика и шагаю к дому.

Многоэтажка серая, с облупленными стенами, точнее – из нее выпадает белая мозаика или какое-то стекло в виде маленьких квадратиков, мне неизвестно, что это.

В подъезде хоть и тепло, с недавнего времени, но всё равно пахнет сыростью, как в подвале, свет уже поспешили выключить, потому серые тона всё ещё режут по глазам. Около почтовых ящиков доска объявлений. Посмотрим, не обещают ли что-нибудь отключить.

«Уважаемые соседи! Если вы на своем балконе обнаружите змею, огромная просьба: не бить её, не кидать в нее стулья, не хвататься за топор и не вызывать МЧС!»

Весело. Мне хотелось бы верить, что это – чья-то шутка, но в этом объявлении указан номер телефона, по которому следует звонить в случае обнаружения в своем жилище змеи, и номер квартиры, в который следует отнести змею. А если она ядовитая? Что за соседи мне достались?!

«ЗМЕЯ НЕ ЯДОВИТАЯ! Всем добра!»

На этих строчках облегченно выдыхаю. Такую информацию нужно давать сразу, в начале объявления, а не в конце! А такого соседа к нам, в отделение, рядом с той бабушкой, которая теперь на Сенькиной кровати с ума сходит.

Убедившись, что ничего не отключат и не начнут никакой ремонт, иду к своей двери, она напротив доски.

Вот и мой дом, моя крепость. Мне радуется мой пёс Фимка, заходится на визг. Все мои мечты о том, что немедленно лягу спать, разбиваются об этот радостный визг. Гулять, ему нужно гулять, а мне хочется спать.

– Сейчас. Сейчас пойдем, дай только пакет разобрать. Ищи ошейник. – Он у меня умный, ждёт утра, пока я не приду с дежурства или не проснусь, сам знает, когда ему нужно гулять, сам залезет в ванну, чтобы я его вымыла – всё вытерпит. Такая верная собака, а я ему сегодня даже колбасы у Инги не спросила просроченной.

Когда забирала его у Ольки, ещё щенком, она говорила, что он будет пуделем, но что-то пошло не так – лохматый, кудрявый, но не пудель.

Устало опускаюсь на табуретку и закуриваю, облокотив голову на руку. Фимка смотрит прямо в глаза своими блестящими большими черными глазами, в которые лезет его белая шерсть, нужно его подстричь. Он держит в зубах ошейник и поскуливает, напоминая о том, что нам нужно идти. Выдыхаю дым, если честно, мне ничего не хочется.

– Сейчас пойдем, – снова обещаю ему и поднимаюсь через силу, чтобы надеть на него ошейник и выйти во двор.

Не вовремя начинает звонить телефон.

– Соня, ты в сеть-то выйдешь? – если бы через телефон можно было бить, он получил бы по плечу, точно по плечу.

– Софья! Сколько можно говорить! – наигранно вскипаю от злости, по-настоящему злиться на Димку не получается.

– Ладно, ладно! Выходи, давай! – он смеется. Он выспался, а я нет. Этот кусок жира спал всю ночь, нажравшись перед сном.

– Полчаса подожди, я с собакой ещё не гуляла.

Фимка дергает ошейник и снова начинает переходить

на визг, говорить Диме что-то ещё некогда. Мы идём гулять.

Глава вторая

Старики – наверное, самые забавные обыватели нашей богадельни, хотя и страшно оказаться на их месте, но я об этом не думаю. Конечно, проблем с ними не меньше, чем с остальными, даже больше, но они компенсируют это своей забавностью.

Вот дед Вася, если верить его байкам, служил в разведке КГБ, знает, что страна в опасности и никому нельзя верить, а ещё он, разумеется, с Ельциным пил на брудершафт, и самое забавное: он часто говорит о том, что в нашем дурдоме он скрывается и его ищут, а когда найдут – убьют. Он часто спрашивает меня, не видела ли я какого-нибудь подозрительного мужчину, который что-нибудь ненавязчиво спрашивал у меня.

Если верить документам, то Вася был простым рабочим, токарем. Жена умерла рано, дети разъехались, а у деда остался только телевизор из всего говорящего в доме. Возможно, это звучит как-то нелепо, но от телевизора действительно можно сойти с ума, сухой старичок с лысой бритой головой, дед Вася – тому доказательство. Пишут, конечно, что у него шизофрения, но мне точно известно, что это из-за телевизора: слишком часто дед рассказывает мне что-то, и в его

историях мелькают имена персонажей из военных фильмов или современных сериалов, таких идиотских и бесконечных, которые пытаются показать работу доблестных внутренних органов. Полиции, разумеется. Свели старика с ума. Был человек – и нет человека, от нас не возвращаются.

Новенькую бабушку, которая заняла кровать Сеньки, зовут Акулиной. Когда я услышала это имя, мне представилось что-то очень старое – сундук, или деревянная шкатулка, или пыльный громоздкий комод. Сама же она оказалась натуральной бабушкой, по типу той, которая когда-то в телевизоре, ещё на черно-белом экране, раскрывала ставни и говорила: «В некотором царстве, в некотором государстве». Мне удалось узнать, что она не буйная, её накрыло шизою после инсульта, а инсульт накрыл её после того, как она поскользнулась на улице и сломала что-то, вроде ногу.

Работа моя на сегодня заключается в том, чтобы смотреть за Акулиной, потому что ей дали альбом, краски, карандаши и кисточки. Краски психи иногда едят, а какими опасными становятся в их руках кисточки и карандаши – обычный человек, который далек от всего этого, даже не подозревает.

Акулина краску не ест, альбом не рвет, воду не выливает и не выпивает, а карандаши и кисточки пока не представляют никакой опасности в её руках, они просто – каранда-

ши и кисточки. Если честно, это самая спокойная старушка из всех, которые попадали сюда. Хотя стоит вспомнить, с какими криками она звала то ли Любу, то ли Люду – обе оказались ее дочерьми – одна давно погибла, вторая привезла сюда. Люда сослалась на занятость, работу и семью. Свою мать, Акулину, она семьей уже не считала и просто-напросто избавилась от нее, отдав нам.

Такие случаи часты, на самом деле, и если честно, то посмотревшись – мне не хочется детей, они – эгоистичные твари, которые бросят тебя, как только ты сойдешь с ума, от тебя не будет никакой выгоды, а если еще и стены измажешь собственным говном...

– Посмотри, Софа, – мои мысли перебивает Акулина, кстати, у нее аккуратная прическа, сделанная мной, и выглядит эта бабуля вполне приятно, даже не знаю, за что её сюда отдала родная дочь. Когда она увидела меня сегодня – почему-то расплылась в улыбке, сразу сказала, что я люблю свою собаку. Это было немного удивительно, но белая шерсть от Фимки, которая была почти на всей моей одежде, многое объясняла – бабушка наблюдательная. Оставалось только улыбнуться ей в ответ и согласиться.

Сейчас Акулина показывает мне свой рисунок. Можно сказать, что она талантлива, по местным меркам. Диковин-

ный цветок, красного цвета. Не знаю, на что он похож, возможно, на лилию или нарцисс, что-то подобное мне где-то доводилось видеть. Акулина сидела над этим рисунком около часа и нарисовано действительно прекрасно: каждый штрих, каждая деталь – всё прорисовано, цветок кажется выданным и почти настоящим.

– Как он называется? – моя работа санитарки на полставки позволяет мне вот так запросто разговаривать с пациентами, поэтому Акулина не становится исключением.

– Он рос раньше на земле, но после первой войны его не стало, он был уничтожен, – она говорит это как бы между делом. Мне не совсем ясно, после какой именно войны было уничтожено это растение, но понятно, что его название Акулина мне не выдаст.

– Понятно, – коротко заключаю я, теряя весь свой интерес.

– Было три войны, – видимо, она решила продолжить и поэтому откладывает рисунок на стол. – Атомная, ядерная и водородная. Земля сгорала и тонула много тысяч лет назад. – Чего я только не слышала за этот год работы: кто-то пережил полёт в космос, кто-то – несколько полётов, некоторые бывали на разных планетах, с одними разговаривал Бог,

вторые дружили с Сатаной – и все они теперь здесь. Ситуация с Акулиной ничем не отличается от всех остальных, теперь становится ясно, за что её сдали сюда.

– Понятно, – поджав губы и кивая головой, снова отвечаю я, пытаюсь не особо демонстрировать свой не интерес. Больные не любят подобное и начинают буянить, особенно опасно начинать спорить с ними, лучше со всем соглашаться и делать вид, что ты их понимаешь как никто другой, тут нужно прикидываться больным, вживаться в его роль, если не хочешь лишних проблем на дежурстве.

– Жаль, что портреты моего брата и сестры остались у Людки! – лицо бабушки начинает пугать – оно становится серьезным, Акулина отвернулась от меня и смотрит куда-то впереди себя, желваки так и ходят, рука, которой подходит определение – костяная, сжимается в кулак и ложится на стол.

– Да, жаль, – выдыхаю я, как будто мне действительно жаль.

Бабуля поворачивает голову и по-доброму улыбается глядя на меня.

– Я нарисую их для тебя, – что ж, теперь она мне полно-

стью доверяет, надеюсь, проблем с ней не будет.

Время приближается к процедурам, скоро придет Ольга, это её работа, мне нужно только подготовить Акулину. Спрыгиваю с ее кровати и подхожу к столику, за которым она сидит.

– Хорошо, только позже, сейчас нужно отдохнуть, – беру ее за руку, рука холодная и теряет своё напряжение, как только ощущает моё касание.

Проблем с Акулиной и вправду нет, она спокойно соглашается со мной, спокойно покидает свое место и проходит к кровати, мне остается только убрать краски и альбом.

Прижимая все это к груди и проходя к двери, я зачем-то оборачиваюсь, чтобы посмотреть на нее. Акулина спокойно лежит на кровати, смотрит на потолок, руки сцепила в замок на животе. Что в этой жизни пошло не так? Почему она здесь? Всего лишь из-за бреда о трех войнах? Всё же дети ни черта не ценят своих родителей, перестают ценить, когда с них нечего взять. Наверняка, она была каким-нибудь не последним лицом, наверняка, у нее какие-то заслуги, жизнь ее, скорее всего, была насыщена событиями, и она вряд ли думала, что однажды дочь сдаст её в дурдом, просто потому что у дочери семья, работа и дела и ей некогда слушать о трёх

войнах и смотреть на нарисованные цветы.

Акулина – слишком официально, да и имя какое-то нелепое, врачебное и вместе с тем несчастное – странные ассоциации вызывает. Буду звать её сокращённо – Акулой. Ну да, Акулой, почему бы и нет? Как и любой хищник – акула не тронет, если её не трогать, если не вторгаться в её личное пространство, если не показывать ей своего страха, акула – типичный шизофреник.

Мне нужно в ординаторскую, отдать все эти краски и кисточки, а потом вымыть полы в коридоре и прочее, прочее.

Стены здесь давят, ходить спокойно невозможно, многие больные разгуливают по больнице в свободное время, несмотря на режим. Иногда я себя спрашиваю, зачем устроилась именно сюда, ведь была возможность устроиться и в обычное детское отделение при поликлинике, но меня сманила радужная перспектива ничегонеделания – вымыть полы в коридорах, перестелить постели, иногда помочь в чем-то своей напарнице, а потом можно спокойно заниматься всякой ерундой. Когда кто-то увидел, как легко мне дается общение с психами, меня часто стали просить приглядеть то за одним, то за другим. Здесь вообще своеобразный порядок. Беспорядок. Свою работу никто не любит, и работают лишь бы работать. Странно, как вообще человек

выбирает такую работу. В отличие от меня, они действительно работают и что-то делают, что-то пишут, кого-то лечат. Как можно проснуться с идеей – лечить психов, мне не понятно.

Пока я стою и набираю ведро, слышу крики сквозь шум воды.

– Она укусила меня! Эта тварь меня укусила! – это голос Ольги.

Пока я закрывала воду, крик ее стал ближе, выскочив в коридор, я увидела как двое наших санитаров – Ванька и Колян – заталкивают Акулу обратно в палату, а она пытается вырваться и кричит о том, что обязательно доберется до той твари, смотря на Ольку, которая бежит на меня и отстраняет в сторону.

– Что случилось? – как только Акула исчезает за дверью вместе с парнями, я возвращаюсь. Олька моет руки, вся трясется и готова разрыдаться.

– Она укусила меня! Бешеная тварь! – Олька говорит это сквозь зубы, тщательно вымывая руки.

– Это я уже слышала, – бросаю равнодушно, подперев сте-

ну. – Из-за чего? – если бы характер моей напарницы мне не был бы знаком, я бы не спрашивала.

Вода перестает шуметь, Олька вытирает руки о халат и тут же лезет в карман за сигаретами.

– Тварь старая! Чтоб она сдохла, сука! – продолжает она, пытаясь прикурить. – Я ей, видите ли, укол больно поставила! Как схватит меня за руку и зубами! Сука! – да, Ольга ещё и медсестра наполовину, поэтому уколы у нее действительно больные, от них остаются синяки. Наверное, поэтому она здесь: в нормальное отделение такие медсестры не нужны просто.

Руки Ольки обе красные от воды, на правой – следы зубов, никогда бы не подумала, что протезы оставляют такие глубокие следы. Не зря она теперь зовется Акулой.

– А у моего соседа змея сбежала и теперь по чьей-то квартире ползает, – говорю это, чтобы отвлечь напарницу от Акулы, иначе она ее долго будет склонять по всем падежам, а это утомляет, психов хватает и так.

– Ну, зашибись! МЧС вызвали? – она забывает обо всем, что с ней только что случилась, её черные глаза отражают настоящее беспокойство.

– Змея не ядовитая, просили как раз никого не вызывать, чтобы не делать из этого большую проблему, – возвращаясь к своему ведру, продолжаю рассказывать.

– Всякую херню дома держат, – выпуская дым, отвечает она.

– Иван Иванович советует держать дома зверей, чтобы не сходить с ума от одиночества, – вспоминая рекомендации нашего главного врача, продолжаю разговор.

– По-моему, тот, кто заводит дома змею, – уже сумасшедший, его пора определить к нам. – Олька окончательно забывает об Акуле, она уже смеется.

– Да, я подумала так же, – выключаю воду и, больше ничего не говоря, отправляюсь работать.

Интересно, что там с Акулой? Нужно будет зайти к ней после и поведать.

Глава третья

– ...Ты не мог бы меня забрать из моего дурдома? – говорю шепотом, потому что голос пропал от пережитого несколько минут назад ужаса.

– Ну, окей. А куда дальше? – Димка на том конце беспроводной мобильной связи явно не торопится меня забирать. Наверняка он лениво протянулся, сидя за своим компьютером, сделал глоток остывшего чёрного чая и думает о том, как ему не хочется выходить из квартиры, идти к гаражу и ехать к дурке.

– Хоть куда! Ты меня в караоке сводить хотел? Лови момент! Приезжай быстрее! – не дожидаясь его ответа, отправляю трубку в карман халата. Мне нужно отдышаться, я так убежала от этого деда в огромных очках... Учителя физкультуры, которые вечно были мной недовольны, сейчас бы аплодировали стоя, я ведь ещё и через забор перемахнула. Господи, что же это получается-то? Дед Вася не токарь никакой, правду рассказывал и про КГБ, и про Ельцина, прости Господи, Бориса Николаевича?

А как хорошо начинался день: я спокойно, не опаздывая, подходила к своей любимой работе, увидела странного

толстого деда в огромных тёмных очках с рогожей оправой, и всё, на этом всё хорошее этого дня закончилось. Он встал у меня на пути, поздоровался, а я, потеряв дар речи от полного несоответствия его внешности и речи, тупо смотрела на него, совершенно ничего не понимая.

– Я не буду ходить вокруг да около, – несмотря на это обещание, он мялся, но мялся наигранно и наигранно то опускал глаза, то оглядывался, то снова смотрел на меня, после чего приблизился вплотную, схватил меня за ворот пуховика и над ухом прозвучал его вопрос: – Василий Николаевич, дедушка такой, лы-ы-ысенький, худенький, здесь лежит? – пока он кивал головой в сторону психушки, моё сердце успело остановиться, а дыхание пропасть.

Не знаю, что сработало – инстинкт самосохранения или страх, но вцепившись в его руку, я зачем-то очень быстро натянула его вязаную шапку ему же на глаза и толкнула со всей силы. Вот уж не знала, что сил моих хватит уронить его, а после этого ещё и побежать, забыть о том, где находится вход, и, подняв колючую проволоку, которая меня нехило покалечила, перепрыгнуть через забор. Господи, что же это было?!

Нет, никому и ничего я не сказала. Пока Акула тихо-мирно рисовала очередной цветок, я лишь, стараясь быть незаметной, выглядывала в окно и видела, как этот дед бомжац-

кого вида крутился около нашей психушки, либо переходил через дорогу, к остановке, и делал вид, что ждёт автобус.

И почему-то я подумала, что он больше ко мне не пристаёт, а потому, спокойно собралась домой и вышла из двора больницы. Бомжа этого нигде не было видно, успокоившись, я даже вздохнула, ещё раз огляделась вокруг, и в тот момент, когда уже собралась устремить свой взгляд вперёд, – он появился передо мной. Воображение предательски воспроизвело где-то в мозгу музыку из фильма ужаса. Он довольно улыбался, выдыхая мне в лицо, я отступала назад, прижимая свою сумку к груди. На улице, как всегда, ни души, даже кричать бесполезно, хоть и от стен психушки я была не далеко, никто бы мне не помог.

– Вася, ма-а-аленький такой старичок, – бомж напоминал маньяка, ему не хватало только ножа в руке, он явно чувствовал мой страх, а потому был уверен, что сейчас я сопротивляться не стану.

– Он умер! – я заорала во все горло, после чего сорвалась с места к уже известному маршруту – через забор. Проволока прорезала рукав пуховика, но мне впервые было плевать на такую мелочь.

Вернувшись в стены родной психушки, чувство того, что

теперь я в безопасности, дало спокойно дышать. Прощмыгнув в ванную комнату, я надела снова свой халат, позвонила Димке и вот теперь сижу на краю ванны и жду его. Этот придурок явно не торопится забирать меня отсюда.

Наверное, если бы змею, которую вроде нашли, ибо объявления о ней больше нет, нашли бы в моей квартире, я бы отреагировала куда спокойнее, чем на всё то, что произошло сегодня. Не знаю, почему не сказала этому бомжу про Васю. Всё же Вася – любимый псих: тихий, спокойный. Нет, не такой, как Акула, но к нему у меня тоже свой подход: я отбиваю об косяк три раза, прежде чем зайти, и он знает, что это я, потому что он сам просил меня это делать. Мы друзья. Только почему я сказала, что он умер? Да чтобы бомж сюда больше не приходил.

– Сго-о-рело! Издательство сгорело-о-о! И рукопись моя с ним вместе! – истеричный крик-плач снова заставляет меня прекратить дышать. Голос незнакомый, скорее всего, поступила новенькая, так как крик женский.

Приоткрываю дверь. В коляске сидит безумно худая женщина с абсолютно седыми волосами, пряди которых успели вылезти из-под шпилек и растрепаться. Она в чёрном длинном платье, кажется, бархатном, у этого платья белый кружевной воротничок под горло. Женщина закрыла лицо ла-

донями, как только увидела меня и перешла навзрыд.

– Тебя не очень рады видеть, – за моей спиной возникает Колян, на его и без того неприятном лице, усмешка; ему нравится наблюдать за подобными истериками, он мечтает успокаивать свою жену так же, как успокаивает наших психов. Наверное, с тех пор его и прозвали БДСМ.

– По-твоему, это забавно? Ей же плохо, – говорю ему, не отрывая взгляд от этой женщины; в самом деле, она выглядит несчастной, и мне почему-то хочется её пожалеть и как-то успокоить.

Женщина внезапно замолкает, смотрит пристально на меня, поднимает руки вверх и, сползая с кресла на колени, хватается за мои ноги.

– Десять лет работы! Все сгорело! Они же говорили мне, чтобы я туда ни в коем случае не относила! – мои попытки помочь ей встать ни к чему хорошему не приводят, она цепляется за мои руки и тянет меня за собой.

На помощь приходит Колян, он быстро возвращает её в кресло.

– Они однажды тебя убьют из-за твоей мягкотелости,

здесь так нельзя! – он кричит на меня, пристегивает женщину к креслу, но я его почти не слышу, у меня зазвонил телефон.

– Я приехал, выходи, – не сразу сообразив, что это Димка, я стою и смотрю вслед Колянну, который увозит несчастную, вероятнее всего, писательницу, и мне хочется послать Димку к черту, пойти за ними и познакомиться с новой сумасшедшей. Ей нужна помощь, я уверена, что она здесь по какой-то ошибке. К тому же, это намного лучше, чем вечер в караоке в компании этого куска сала.

– Извини, меня оставили на дежурство, Зинка заболела и не вышла, – вру ему о Зинке, которая никогда у нас не работала.

– Ты охренела?! – это последнее, что я услышала от него, пошёл он к черту.

– Стойте, я с вами! – я срываюсь с места и бегу за Коляном. Он останавливается и, ошалев от этой новости, уставился на меня.

– Ты совсем больная что ли?! – он никак не привыкнет к тому, что психи меня любят, он просто не знает, как сильно они нравятся мне.

– Да. Приготовишь мне отдельную палату? – мне придется сводить всё на шутку, чтобы он ничего не понял и в самом деле не запер где-нибудь здесь, в палате, навсегда.

– Дома совсем не ждут? Вышла бы замуж, что ли, – он соглашается с моим решением, мы идём вместе. Да, кроме Фимки, меня никто не ждёт, надеюсь, он мне простит это и не разнесет квартиру за ночь.

Женщина спокойна. Она смотрит впереди себя, она кажется неподвижной, замершей, как будто перед ее глазами прокручиваются кадры фильма, где горит издательство, где показаны все десять лет работы, где сгорают рукописи, где мы с ней встречаемся...

Дверь открывается, тусклый свет, который слегка синего оттенка из-за стен, проливается на нас.

– Как вас зовут? – забирая у Кольки ручки коляски, я смотрю впереди себя и чувствую какую-то неизвестную мне до этого власть над человеком, над этой несчастной женщиной, оттого и голос мой почти командный.

– Анна Горц, – довольно улыбаюсь, она ответила так, будто ее привели на эшафот. Теперь мне становится ясно, что

это не просто ошибка, всё было подстроено специально.

Глава четвертая

Красная плитка магазинного пола. Вздох. Всё же интересно работают сплетни: от литературы я очень далека, как далека другая галактика от нашей планеты, я от неё так же далека, как от астрономии и физики, но мне всё известно про Анну Горц.

Сегодня возьму клубничный йогурт, не помню, какой был вчера. После того дня моя рассеянность то и дело берет над мной верх. Да и вообще у меня депрессия – мало было старых сапог с потертыми носками, теперь у меня ещё и порванный пуховик. Нет, конечно, рукав мне удалось зашить, но с моими способностями... В общем, мне нужен новый пуховик, но сейчас не об этом.

Инга отпикивает всё то, что мной куплено, в том числе и йогурт, а я молчу и думаю о Васе. Он умер.

– У вас снова кто-то убился? Чего такая понурая? – Инга вырывает меня из мыслей.

– Убился? Нет. Умер, – складывая в пакет свои покупки, отвечаю я.

– Странная у тебя работа, я бы уже уволилась, – продолжает она.

– Я бы тоже, – отвечаю и ухожу.

За порванный рукав куртки должен был кто-то ответить, за мою паранойю – выходить с работы и оглядываться постоянно по сторонам – должен был кто-то заплатить.

– Тебя вычислили, Вася. Я сказала, что ты умер, – говорила я ему.

Паника охватила его в то же мгновение: вскочив с кровати он несколько секунд простоял смотря в пол, после чего начал ходить от кровати к окну и обратно, держась за подбородок и по-прежнему смотря в пол. Так продолжалось несколько минут, а я сидела на его койке и ждала, когда он заговорит. Он остановился напротив меня, лицо его выражало полную обречённость, но когда наши глаза встретились, стало ясно, что как раз на меня он смотрит с большой надеждой, будто перед ним – ключ к разрешению его проблем.

Опустившись, наконец, рядом со мной, он начал спрашивать, что ему теперь делать. Да, так и спрашивал:

– Что теперь делать?! – охватывая голову руками, бледнея

с каждым мгновение, трясясь так, будто его запихали в морозилку.

Этого я и ждала. Пожав равнодушно плечами, поднимаясь с его кровати, вложив в свой голос все равнодушие, которое у меня имелось, я ответила:

– Придётся умирать, Вась.

Глаза его округлились. Знаю, он ожидал чего-то другого, спасения, например.

– Как же это... Как же это я умереть должен? – на мгновение его речь показалась мне немного театральной, несмотря на то, что в театре я никогда не была. Другими словами, настоящего ужаса перед смертью в глазах Васи мне разглядеть не удалось. Наверное, он не до конца понимал, что я ему предлагаю, поэтому мне оставалось только добить его своими объяснениями, рассказать кое-что о смерти.

– Сам подумай, – опиравшись локтями на душку его кровати, начала я. – В твоём случае смерть – единственный выход. Сбежать ты отсюда не сможешь, а если и сможешь, то найдут тебя быстро. Рано или поздно за тобой придут сюда, а Иван Иванович, наш главврач, тебя скрывать не будет – выдаст с потрохами. – Обрисовав ему безвыходность этой си-

туации, мне оставалось только повторить ранее сказанное: – Придётся умирать, Вась.

Он сидел, как обычно сидят возбуждённые дебилы, которые ещё не утратили способности более-менее мыслить: глаза были живыми, по лицу было видно, что он осмысливает сказанное мной и рад бы это оспорить, но аргументов в противовес не находилось. Мне прекрасно известно, как издевается мания преследования над своими жертвами, Вася тут был такой не один, я успела насмотреться на всё это.

Он долго сопротивлялся, говорил, что ему умирать никак нельзя, просил выдать ручку и бумагу...

Ничего ему не помогло. Когда я пришла на следующее дежурство, мне сказали, что Вася умер. Способ его самоубийства самый банальный. Так как он считался у нас практически нормальным, ванну он принимал сам. Виновата, конечно, Олька, которая ни в какую не хотела помогать ему и предоставляла свободу действий. Вася не просто утонул, он даже вены вскрыл каким-то образом. Хотя это меня не удивляет несколько.

Фимка, как и всегда, встречает меня с визгом.

Забыв прочитать подъездные объявления, забираю своего

пса, и идём обратно на улицу.

Сегодня мне удалось немного поспать на дежурстве, но в сон все равно рубит. После того как Анна Горц появилась у нас, после того, как ещё в первый же вечер я выцарапала её из рук Коляна и не отдала в отдельную палату... Мне вlepили выговор, но это неважно. Важно то, что я отчётливо помню, как студентами нас для массовки водили на презентацию книги Анны Горц и одна из её книг непременно должна быть у меня: нам раздавали подарочные экземпляры. Ищу я эту книгу в своём бардаке уже неделю. Где она может быть, неужели выкинула?

– Эй, привет! Идёшь и никого не видишь, – на плечо опускается рука, вздрагиваю оттого, что меня вырвали из размышлений.

– А, это ты. Привет. – «Дима, какого черта ты тут делаешь?» – думаю я, равнодушно здороваясь.

Оранжевый пуховик, который не мешало бы постирать, вязаная шапка, натянутая едва ли не на глаза, и между этой одеждой – красное лицо с огромными щеками и узкими от прищура чёрными глазами. Иногда я думаю: что людей, у которых есть деньги, побуждает так нелепо одеваться? Денег у Димы, что называется, куры не клюют, поэтому он всё

ещё мой друг, у которого можно перезанять до зарплаты на кредит или на хавчик.

– А я смотрю, ты не особо рада меня видеть, – он встаёт у меня на пути. Знал бы он, что я вообще не рада его существованию на земле.

– Я устала после работы, – отмахнувшись от него, иду за Фимкой, который сегодня гуляет без поводка, а потому носится по двору счастливый. Как мало надо собаке для счастья.

– Я по делу, – н-да, он не собирается сдаваться, а, между тем, мне уже хочется его послать, но не могу, я должна ему денег.

– Дай угадаю! – мне не удаётся сдержать своего раздражения, и оно выходит на показ. – Ты хочешь меня куда-нибудь сводить или...

– Не угадала! – самодовольно улыбаясь, обрывает он меня. Представляю его единственную мысль, что-то вроде: «Теперь моя очередь тебя обламывать!» – месть за тот вечер, когда я променяла его компанию на спасение Анны Горц.

Сложив руки на груди и тяжело выдохнув, смотрю на него,

но он продолжает молчать.

– Что за дело?! – не выдерживаю его молчания, мой голос едва не срывается на крик. Пусть выкладывает свою очередную бредятину и катится ко всем известным.

– Помнишь, мы в интернете издевались над одним лохом? – вспомнить, над каким именно лохом, мне трудно: в соцсетях, не имея страницы с настоящим именем и реальной фотографией, я издеваюсь над многими.

Я – тролль, которому нечем заняться, который одним сообщением может довести до выхода в окно или катанию на верёвке. Сама о себе я так не думаю, но так о нас говорят. На самом деле нам всегда есть чем заняться, а людей в интернете доводить – это развлечение после тяжелого рабочего дня, это безумно расслабляет – в этот момент, ты знаешь, что кому-то хуже, чем тебе. Тем не менее, уточнять мне ничего не хочется.

– Ну и? – коротко отзываюсь я, смотря на Фимку, которому уже надоела прогулка, оттого он уже идёт рядом.

– Есть идея! – оживлённее прежнего продолжает мой друг-кредитор. – Этот лох мается от одиночества вот уже 45 лет, что если познакомить его с какой-нибудь сумасшед-

шей из твоей психарни?

В ответ я начинаю ржать, вспомнив, наконец, о ком говорит Дима.

– Это жуть! Но как? Доведём его до сумасшествия и он придет в дурку? – достаю из куртки сигареты и закурываю.

– Он и без того сумасшедший, ты сама ему писала, что такому, как он уже не психолог, а психиатр нужен. Доводить нам его не нужно, нам нужно его познакомить с сумасшедшей, – продолжает он, но я всё равно ничего не могу понять.

– Но ка-а-ак? – не скрывая своего непонимания и раздражения от этого непонимания, повторяю свой вопрос.

– Сфотографируй кого-нибудь, кто отлично подходит на роль его суженой, а потом мы будем писать ему от её имени. Он влюбится и захочет встречи, а там уже второй этап – дорога в дурку. – Почему-то весь интерес после его объяснений тут же улетучился.

Мне показалось, это не только скучно, но и слишком сложно. Нет, не в том плане, что мне трудно писать от чужого имени, а в том, что это требует очередных затрат: новый почтовый ящик, новая страница, а эту страницу нужно как-

то заполнить, чтобы она не вызывала никаких подозрений – обжить, как обживают дом. Требовалось время, которое мне не хотелось тратить на такой идиотизм. Троллить несколько минут, максимум час, ради развлечения – это, пожалуйста, а заниматься подобным серьезно – это глупости.

Закусив нижнюю губу, отрицательно качая головой и размышляя о том, как мне не хочется этого делать, я иду рядом с Димой, который по выражению моего лица, понял, что мне его идея не нравится.

– Ты знаешь Анну Горц? – развивать его идею с издательствами над интернет-задротами нет никакого смысла, а вот узнать что-нибудь об Анне Горц – это намного интереснее.

Дима меняется в лице, оно становится невыносимо серьёзным, он делает такую рожу, только когда у него возникают проблемы.

– Говорят, что она пишет книгу о жизни на Атлантиде, но многие зовут её сумасшедшей. – На этих словах он замолчал и опустил голову.

– Почему её так называют? Что она такого сделала? – маскируя любопытство непониманием, спрашиваю его, хватая

под руку.

– Вообще она была нормальной тёткой, пока не поругалась с местными писателями. Мне не всё известно, но о ней много слышал последнее время. Говорят, что она высоко о себе мнения, считает себя самой гениальной в городе. Короче говоря, ненавидит всех вокруг, а все вокруг ненавидят её...

– За это её и упекли в дурку, – случайно выдыхаю, и Ди-ма останавливается. Он удивленно, нет, даже ошарашенно смотрит на меня, как будто Горц – его родственница, которая оказалась в беде.

– Что?! – только и выдал он.

Фимка заскулил, просясь, домой, перебивая весь наш разговор.

– Идём ко мне, расскажешь о ней всё, что тебе известно. Мне кажется, что она попала к нам не просто так.

Впрочем, теперь мне это не кажется, я в этом уверена. Единственное, что мне неизвестно, так это – почему меня так заинтересовала её судьба, почему мне хочется ей помочь.

Пока Димка рассказывает о том, как он кого-то достал вчера в интернете, мы идём ко мне, и я думаю об этих «почему».

Глава пятая

– А с чего ты взяла, что тот ненормальный больше не явится и не спросит про Васю? – Дима за мной кое-как успевает. Говорят, что одинокие люди ходят быстро. Димка тоже одинокий, но жирный, а потому бежать за мной ему трудно.

– Вася умер. Зачем ему приходиться? – отвечаю, заворачивая за угол, за спиной хрипящее дыхание моего подельника. О, что мы задумали! И зачем нам это надо – неизвестно. Наверное, скучно жили и наконец-то нашли себе приключения на пятую точку.

– Значит, сумасшедший тебе правду говорил? – не понимает Димка.

– А, может, он тоже был сумасшедшим. Откуда знать, – я пожимаю плечами, мне в голову не приходит думать о Васе и о том маньяке, из-за которого я порвала куртку.

– Он может вернуться, это же не просто так! – как же он меня достал со своей паникой. Почему некоторые так склонны к панике? Проще ведь спокойно сидеть и не накручивать себя.

– Какой там дом? Как это сборище литераторов вообще выглядит? – из-за его трепя я забыла адрес.

Димка останавливается, то же приходится делать и мне. Пока он замерзшими пальцами тарабанит по планшету, я смотрю по сторонам. Женщина в лыжном сером костюме и вязаной серой шапке вот-вот поравняется с нами.

– Где-то здесь же... – бормочет Димка, попутно проклиная связь, из-за которой всё долго грузится.

– Простите! – по-моему, проще спросить, чем ждать, когда Димка что-то найдет. – Вы не подскажите, где дом литераторов?.. – я не совсем уверена, что это место называется именно так, потому замолкаю на мгновение, после чего добавляю: – ...Или что-то в этом роде?

Женщина бросает на меня оценивающий взгляд своими огромными зелеными глазами, которым не помешал бы черный карандаш, без него они выглядят на ее лице бесцветными.

– Значит, расклад такой, – начинает она, поражая таким началом разговора. – Сейчас доходите вон до того дома с аркой... – она указывает на дом, около которого наставлена куча машин. – ...Проходите под арку, а там, во дворе, будет

это заведение.

Я не успеваю сказать спасибо, как и Дима, который бросил свою затею с загрузкой карты, женщина продолжает свой путь и даже не оглядывается в нашу сторону.

– Странная какая-то, – смотря ей вслед, говорю Димке.

– Нормальная баба, – отвечает он, как будто я сморозила какую-то глупость, и тянет за собой в сторону дома с аркой.

Как попасть в такое, как сказала женщина, заведение? Мы долго думали об этом, пока я не полезла в свою сумку за сигаретами. Среди кучи ненужного хлама, косметики и чего-то еще в сумке лежал каталог какой-то косметической фирмы. Решив, что мы вполне сойдем за консультантов, которых везде и всюду пропускают, мы собрали всю мою косметику и отправились на поиски дома литераторов.

– А если не пропустят? Как ты себе это представляешь? – мне следовало бы оставить его где-нибудь, Димка сеял панику на каждом шагу и мешал мне представлять дом писателей.

Наверняка, здание должно быть громоздким, наравне с каким-нибудь театром или домом культуры; а внутри мне почему-то представляется всё в зеленых тонах – шторы, лам-

пы, ковры и кресла. Все пропитано тишиной, кругом люди в очках что-то пишут... Может быть, по полу, в каких-нибудь коридорах, разбросаны листы бумаги, а где-то на втором этаже, например, спорят самые настоящие писатели.

– Заткнись! – от своих представлений мне скорее хочется попасть в эту обитель и не хочется слушать Димку. Да, когда твоя работа напрямую связана с психами, хочется как-то сменить обстановку и даже немного приобщиться к культуре.

Мы идем по заснеженному тротуару. С какой-то стати снегу приспичило сегодня лететь хлопьями на скользкие дороги, быть мокрым и тяжелым, налипать на одежду и тут же таять. Пуховик мой сначала был будто в пятнах из-за снега, а потом он просто-напросто намок и стал темнее обычного, с Димкиным пуховиком случилось то же самое.

– О, вот табличка! Это здесь! – на голубом фоне много золотых букв, а здание... Оно совсем не совпало с моими представлениями – обыкновенный жилой дом, на первом этаже которого и расположились литераторы.

– Этот кошмар? – вырвалось у меня. Наверное, я так и продолжила бы разочарованно смотреть на то, что пришлось увидеть, но Димка снова дернул за руку и повёл за со-

бой.

– Если они поймут, что эта бумажка ненастоящая, они вызовут ментов и нас посадят, – начинает тараторить он, прежде чем открыть дверь.

– Так, улыбайся и не говори чепухи! Говорить буду я! – для верности мне приходится его остановить, зачем-то поправить на нем шапку и шарф. Поправляй не поправляй, привлекательнее он от этого не станет, у такого как он точно ничего не купят.

Обитель литераторов встретила нас серым цветом, это случилось от того, что на улице из-за снега слишком много белого, а в коридоре, в который мы зашли, не горел свет.

Единственные две вещи, которые оправдали мои ожидания, – тишина и бумага на полу. Серьёзно, лист истоптанной белой бумаги сразу на пороге. Тишину можно было бы назвать зловещей, но она пугала только Димку, который готов был замереть на пороге, если бы я не повела его дальше. В остальном обитель писателей – это бесцветные обои, вышарканный линолеум, под которым скрипучий пол.

– А что потом? – Дима перешел на шепот. Мне нечего ответить, я сама не знаю, что будет потом и зачем мы сюда

явились, а потому смело иду к дверному проёму, который, скорее всего, куда-нибудь приведёт.

– Чем могу помочь, молодые люди? – перед нами возник человек в сером свитере. Человека этого старым не назвать, вполне сойдёт за молодого – темные волосы, очки на носу, запах от него приятный, но он им злоупотребил, вылил, наверное, полфлакона.

– Что у Вас за туалетная вода? – он уставился на меня непонимающим взглядом, как и Дима, который сейчас всё засыплет. – Серьёзно, Вы не хотели бы приобрести что-нибудь из нашего каталога? – пока его внимание не привлёк Димка, я сую в его руки каталог, который нашла в своей сумке.

– Нет. – Можно подумать, что он на меня обиделся, но взгляд его не обиженный, а больше злой, по выражению его лица ясно только одно – слушать он меня не станет, а потому и возвращает каталог обратно.

– Хорошо, может, у вас есть те, кого заинтересует наша продукция? – я заглядываю через его плечо, в надежде, что в коридоре, который он нам загородил, кто-нибудь прощмыгнет и я под предлогом продажи, пройду вместе с Димкой дальше.

– Наверяд ли, – он стоит стеной и не собирается нас пропускать, отпуская свои односложные словечки с таким тоном, как будто если мы не уберёмся, он нас сожжёт своим взглядом.

– Послушайте, я представитель... – остановившись на этих словах, я полезла в сумку за бумажкой, которую мы с Димкой нарисовали сами. Зная, что её вряд ли кто-то будет читать, мы написали туда бог весть что, а потом нашли штамп в картинках гугла и приляпали его туда, вместе с чьей-то подписью.

– Вы не найдете здесь клиентов, – продолжает настырный человек в сером свитере. Жаль, что ни у меня, ни у Димки не хватит сил, чтобы треснуть эту преграду как следует и пройти дальше.

– Вот смотрите! – а потому, я не сдаюсь и махаю перед его очками на носу нашей липовой бумажкой. – Мы представители косметической фирмы...

– Это не важно, – перебивает он меня, скрещивая руки на груди.

– Это очень важно! – я смотрю на него в упор, больше

не для убедительности, а потому, что он меня достал, у меня не было этого в планах. – Мало ли кто может прийти к вам вот так просто с улицы и что-то предлагать? А у меня вот – всё... это самое... – я запинаюсь, но тут же нахожусь: – законно!

– Я вам таких бумажек сколько угодно нарисую. – Снисходительная ухмылка, которая скользнула по его лицу, дала понять, что сдаваться он не собирается. Димка начинает дёргать меня за руку, видимо, из соображений, что бумажкой этой надо махать поменьше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.